

Ольга Зубко / Olga Zubko

Badacz niezależny (Ukraina)

Independent researcher (Ukraine)

e-mail: akademik75@meta.ua

Слухи, сплетни и мифы в среде белорусской пражской эмиграции (1921–1939)

Rumors, Gossips and Myths in the Environment of the Belarusian Emigration in Prague (1921–1939)

Pogłoski, plotki i mity w środowisku białoruskiej praskiej emigracji (1921–1939)

Чуткі, плёткі і міфы ў асяроддзі беларускай пражскай эміграцыі (1921–1939)

Слухи, сплетни и мифы – информационные технологии воздействия на массовое сознание. Существенная разница лишь в том, что слух и сплетня – неформальные массовые информационные процессы, тогда как миф – осознанное средство и объект манипулирования. Поэтому, разберёмся вначале, что же такое «слух», «сплетня» и «миф». А затем – каковы их роль и значение в среде белорусской пражской эмиграции.

Итак, миф. Русский исследователь А. Лосев даёт мифу такое определение:

Миф – это обобщённое представление о действительности, сочетающее нравственные, этические, психологические представления, установки, соединяющие реальность с мистикой. Такое представление в значительной степени иллюзорное, но в силу своей эстетической, художественной, политической и социальной привлекательности, оказывающее большое воздействие на массовое сознание (Łosiew, 2009, s. 206).

Миф имеет как положительную, так и отрицательную сторону. В положительном смысле миф способен поднять массы на конструктивные действия; в отрицательном – миф является сознательным обманом, но не по факту злого умысла, а по причине искренней веры его (мифа) организаторов в ту или иную идею, программу.

В среде немногочисленной белорусской пражской эмиграции стойким и, пожалуй, единственным мифом, бытовавшим до 1929 года, был миф о всемогуществе социализма как ведущей идеологии всего XX века. Хотя стоит отме-

титель, что социализм в прошлом веке был всего лишь попыткой моделирования не столько государства, сколько общества с помощью государства. Белорусские социалисты, как и все социалисты в общем, верили в то, что социализм – это просто распространение демократии на сферу экономики. Считалось, что приоритет демократии в экономике автоматически решит многие накопившиеся вопросы, в том числе и политические. Белорусские социалисты, фактически, выступали за муниципализацию земли и принятие рабочего законодательства. И этот постулат был вынесен ими и в эмиграцию. Но белорусские социалисты-революционеры, социалисты-федералисты и социалисты-демократы панически боялись и отвергали мысль о том, что борьба и насилие возможно между самими трудящимися и, собственно, между самими социалистами. (Признавая важность классового боя в целом, отрицалось существование таковой среди белорусов). Слева, по их мнению, врагов нет и быть не может. Это и стало «ахиллесовой пятой» белорусских социалистов. Из-за этого они получали как от российских, (да и украинских) «собратьев», так и от «соседей по социалистическому купе». Не было единства между белорусскими социалистами и в вопросе национально-культурной автономии, а впоследствии – собственной государственности.

Вот поэтому, уже в эмиграции, в письмах Михасю Мелешку Томаш Грыб – активный участник событий 1917–1923-х, социалист-федералист – так писал о результатах белорусского национально-освободительного движения в целом:

Ты хацяж і кажаш, што ты не палітык, але ты праўду заўважыў адзначаючы, што над Варшавай і над Коўняй трэ паставіць крыж, а што адзіны шлях – гэта Менск. Так, братко, гэта ёсьць шчырая праўда! Менск ёсьць сэрца і мозаг Беларусі. У Менску ўзапраўды родзіцца беларуская культурная індывідуальнасць, родзіцца, узрастае, фармуецца... Гэта адчуваецца ды як яшчэ адчуваецца...

Коўня... сьмешна і казаць аб тым, што там дзеіцца, там сядзяць непагрэшныя папы рымскія... А каб ты ведаў, як ненавідзяць яны мяне, за маю крытыку іх высока дыплёматычных крокаў, я ўжо даўно імі прыгавораны к вечнай баніцы. Але нічога, бог ня выдасць, сьвіньня ня з'есть. Я скромны сабе студэнт пражскага ўнівэрсытэту і ня прызнаю іх за "рэпрэзэнтантаў" беларускай улады за граніцай. Проста ў вочы ім кажу: "годзе піць заморскае віно, пара і кваску паспрабаваць"... Заместа гульні ў "высокую дыплёматыю" я ім раджу заняцца канкрэтнай пазытыўнай працай, дык дзе там – усе "нашы міністры" ды "нашы прэдаўнікі"... Ах каб вас ліха... Вось ужо ўзапраўды кажа прыказка: заклікай дурнога богу маліцца, то ён і лоб разаб'е. Ну, але хай сабе, абы толькі ня шкодзілі справе, а так, чым бы дзеці ні займаліся, абы не плакалі... (Грыб, 2017, s. 307).

А в письмах Владимиру Жилке он и вовсе печалился о её (национально-политической борьбе) результатах:

Сярод студэнства намячаюцца аснаўныя напрамкі: паланафільскі і русафільскі, на гэтым асноўным фоне і адбываецца ўсё тканьне. Мне прыходзіцца яшчэ раз пахаваць

адну надзею – новае пакаленне (сучаснае беларускае студэнства і ў Вільні, якое ў пэўных момантах гатова йсьці на супрацоўніцтва з польскаю эндэцыяй, так і пражскае, якое ідзе ў касцёл ці ў царкву маліцца богу і ў гэты-ж самы час закладае “беларускую” імку) такое-ж хворае і так сама мае дзье душы, як і старое. Заўтрашні дзень беларускага адраджэння мала чым будзе рожніца ў сваім ідэйным зьмесьце ад учарайшага і сёнешняга. Няма людзей! Няма і сырога нават матэрыялу, з якога-б магла вырасьці, выкрысталізавацца і адшліфавацца духоўна сільная адзінка. З гнілага матэрыялу нельга ляпіць вогнеупорнай цэгля. І як сабе я не стараюся вытлумачыць, што па гэтаму элементу нельга судзіць аб усей беларускай моладзі, аб усім студэнстве (у Менску, у Маскве, Кіеве) – усё-ж такі сумна нека становіцца, як бачыш гэткае ўбожства, гэтую духоўную забітасць, прытуленасць думкі, без шырокай ініцыятывы, самадзейнасці, а глаўнае, бяз жадання стаць лепшымі ў поўным значэнні гэтага слова, усё-ж такі гэта ёсць рысы характару сучаснага раба, нявольніка беларуса з вяроўкай на шыі. Ён прызвычаіўся да гэтай вяроўкі, звывся з сваім подлым рабскім, паднявольным жыццём і бяз пана, бяз гаспадара ён жыцьцё і ня ўяўляе сабе. Баіцца волі – баіцца самастойнасці.

Аўжэ-ж, няма людзей. Ня відаць іх і сярод студэнства пражскага. Дык няўжо беларуская нявольніца кабета яшчэ ня можа радзіць, яшчэ не нарадзіла сына-гэроя, поўнага веры ў сябе, у свае сілы – жадаючага быць лепшым за тых усіх, што ягоную матку насілавалі, духоўна быць лепшым...

Праўду кажа Янка Купала – нявольніцтва і рабства нас засла – самае страшнае дык гэта вольнасць, што мы, беларусы, мы духоўна рабы і ня можам, ня хочам быць вольнымі творцамі сваёй лепшай долі.

І ўсё, больш і больш мяне гэта пераконвае, што патрэбна прылажыць усе зусільлі, каб утварыць хоць маленькі – гэта не важна, – хоць з некалькіх асоб скласці гурток студэнтаў, якія ставілі-б сабе мэтай узапраўднае самаразвіццё, усестаронняе развіццё сваёй індывідуальнасці. Беларусі патрэбны людзі, патрэбны думачыя асобы, а ня бязглуздыя крыкуны ды балбатуны, якіх так сама ня так ужо і шмат ёсць – бедната, адно слова... (Грыб, 2017, s. 313).

Можно по-разному оценивать сказанное Грыбом, но своими корнями миф о всемогуществе (всевлиятельности) социализма уходил к позитивному восприятию революции в статусе национально-освободительного движения. Прогрессивным революционным событием в полном смысле понятия национально-освободительная борьба белорусов в 1917–1923 годах не была. Это скорее всего была «неоконченная революция», результативная больше всего (и это её (революции) – слабое звено) в культурно-общественном плане. Аргументируем свою точку зрения.

Под «революцией», как правило, (и в коммунистическом, и в националистическом смысле), подразумевают «очищение» или «обновление» общества. Революция как бы автоматом обеспечивает прогресс и счастливую «новую жизнь». На революционный негатив внимание не обращается. Кроме всего про-

чего, результатом революционных событий является освобождение от колониального гнёта.

Термин «революция» возник в XV веке. Его корни уходят к древнему латинскому слову *revolutio* в значении «поворот, переворот, оборот». Вначале этот термин использовался в алхимии и астрологии. Например, известна работа Николая Коперника «О вращении небесных сфер» (1543 г.). В оригинале эта работа называлась «*De revolutionibus orbium coelestium*». Но со временем термин «революция» начал использоваться в различных сферах и дискурсах: неолитическая революция, научно-техническая революция, коммуникативная революция, сексуальная революция и так далее. Нас же интересует политическая революция. Так как именно эта революция способствует тем или иным социальным изменениям. Хотя стоит отметить, что кардинальные социально-экономические изменения не обязательно являются результатом политической революции. Кроме всего прочего, имеем наглядные примеры, когда «революция» не способствует важным социально-экономическим реформам.

Украинский философ Пётр Кралюк классифицирует признаки политической революции. Во-первых, политическая революция возникает, как правило, нелегитимно, «переписывая законы под себя». Во-вторых, политическая революция обеспечивает замену старых политических элит новыми. В-третьих, новая политическая элита всегда начинает перераспределение государственной собственности. И в-четвёртых, политическая революция подразумевает широкую народную мобилизацию. То есть, появление на исторической арене различных слоёв населения (Kraluk, 2017, s. 6–7).

Политическая революция может быть «полной» и «частичной». В первом случае речь идёт о полном замещении элиты, то есть о революционном терроре. Во втором – о приспособленчестве старой элиты к новым порядкам. Уровень «частичности» или «полноты» революции зависит от различных факторов: политической культуры общества, качества элитарных слоёв, умения последних (элитарных слоёв) мобилизовать народ. К тому же, политическая революция часто сопровождается контрреволюцией и жестокой конкуренцией в среде новой политической элиты. Таким образом, политическая революция – это как бы индикатор «ненормальности общества», вынужденная необходимость, которая для большинства простых смертных сопровождается немалыми потерями.

Почему же национально-освободительная борьба белорусов в 1917–1923 годах является «неоконченной революцией» (почему был живучим миф – О. З.)?

Во-первых, белорусская революция не прошла начальной стадии – восстания и государственного переворота. Белорусская Социалистическая Громада фактически до марта 1918 года не рассчитывала на полную независимость Беларуси. Политические баталии велись не вокруг будущего Белорусского государства (об этом никто всерьёз и не думал, считая, что социалистическая революция одним ударом превратит Российскую империю в семью равноправных дружественных народов), а вокруг проблем трансформации белорусского общества. Россия-им-

перия должна была стать федерацией, в которой Беларусь имела бы внутреннюю независимость и своё Всебелорусское Учредительное собрание для решения национальных и политических вопросов (Korszuk, 2006, s. 32–39).

Первая Уставная грамота 21 февраля 1918 года ничего не говорила о автономии Беларуси в составе России, но и не объявляла Беларусь независимым государством. 9 марта 1918 года свет увидела Вторая Уставная грамота, объявившая возникновение БНР в этнических границах белорусского народа.

Во-вторых, провозглашение независимости БНР состоялось с огромным опозданием в условиях германской оккупации. Третья Уставная грамота 25 марта 1918 года отвергала разделение страны, предусмотренное Брестским мирным договором, и базировалась на «этнокультурной» концепции – единстве территории, происхождения, языка и культуры, как обязательных условий национальности. Как метко отметил в одной из своих работ Анатолий Тарас:

«Идеологи отечественного национализма не учли того обстоятельства, что белорусы в начале XX века стремились не белорусами, а «людьми зваться» (по выражению Янки Купалы). Будучи на 82% селянами, они мечтали о том, чтобы сменить свою роль «человека при скотине» на более выгодную (например, на роль «человека при машине»). «Социальная» мотивация резко преобладала над «национальной». Поэтому крестьян не волновала судьба своего языка («простай гаворкі») и традиционной деревенской культуры. А белорусские города и местечки физически не могли воспринять «этнокультурную» концепцию, так как на 90% были не белорусскими. Примерно половину их населения составляли евреи, за ними шли русские, потом – поляки, и только в остатке (до 10%) ютились белорусы (Taras, 2013).

В-третьих, нужно признать, что национально-освободительное движение 1917-х–1923-х годов, казалось бы, вывело на историческую сцену новую белорусскую элиту. Но элиту, всё время соревнующуюся между собой за политический вес (белорусские лидеры никак не могли определиться какой же по-настоящему должна была быть Беларусь); элиту, не сумевшую мобилизовать широкие народные массы, беспомощную в пропаганде. Поэтому вполне был прав Исак Мазепа – преподаватель Украинской Сельскохозяйственной академии в Подебрадах, утверждавший, что «большевики побеждали не столько оружием, сколько пропагандой среди дезориентированных» (Maziera, 2003, s. 147).

Эти проблемы, как уже было сказано, белорусские социалисты автоматически потянули за собой в изгнание. В 1924 году, с началом периода «смены вех», вопрос пропаганды и вовсе оказался на первом месте. К сожалению, идея социальной справедливости, пропагандируемая большевиками, с учётом чехословацких внутреннеполитических и внешнеполитических реалий второй половины 1920-х (постепенное сворачивание «Русской вспомогательной акции» и защита чехословацкого рынка труда) и белоруссизации в БССР, вдохновила «пражских белорусов» значительно больше, нежели идея строительства национального

государства. Несостоятельность же Социалистической Лиги Нового Востока в ЧСР в 1929 году, как попытки решения национальных вопросов на Востоке Европы, и начало всемирного экономического кризиса окончательно похоронили миф о всемогуществе социализма в среде белорусской пражской эмиграции.

Какова же роль мифа о верховенстве социалистического построения Беларуси в 1921–1939 годах? Закончим, как говорится, на оптимистической ноте словами Ивана Лысяк-Рудницкого:

Было бы ошибочно говорить о поражении национальной революции. Да, она не достигла своей окончательной цели, но она внутренне так или иначе всё же преобразовала общество, она поспособствовала созданию новой современной нации. На этом фундаменте с тех времён развивается дальнейшая национальная жизнь... (Łysiak-Rudnickij, 2007, s. 50).

Слухи и сплетни – неформальные массовые информационные процессы. Они – особый пласт не только человеческого общения, но и человеческой культуры в целом; пласт, отметим, существующий и развивающийся совершенно независимо от человеческого к нему отношения. Говоря о слухах и сплетнях, подразумевается, в первую очередь, их негативный контекст, но как и всякая медаль, имеющая две стороны, слухи и сплетни имеют и позитивное значение.

Западные исследователи, такие как Ф. Бартлетт, К. Киркпатрик, Г. Олпорт еще в 1920–1930 гг. высоко оценили ту роль, которую играли слухи и сплетни в формировании психологии масс и в управлении массовыми процессами. (Gorbatow, 2012). В результате, слухи и сплетни быстро попали в объектив целенаправленного и тщательного изучения психологов и политологов. Политики и идеологи стали активно использовать на практике и в своих собственных интересах закономерности возникновения и распространения слухов и сплетен. По многочисленным оценкам авторитетных западных специалистов, информационное воздействие на население с помощью слухов и сплетен и тогда (в 1920–1930 гг.), и ныне стоит практически в одном ряду с воздействием через прессу, радио, театр, телевидение, кино и интернет (Gorbatow, 2009, s. 64–72).

В историческом специфическом контексте, слухи и сплетни являются особой культурной и коммуникативной практикой, используемой как индивидами и группами, так и обществом и государством. Они выполняют важные социальные функции: формируют и выражают наиболее распространенные социальные страхи и ожидания; артикулируют критику и сопротивление; сплывают «несогласные» группы населения; обеспечивают коммуникацию, способствующую формированию социальной идентичности и «чувства принадлежности»; обеспечивают индивидов ориентирами для интеграции их в сообщества и группы; неофициально управляют обществом, особенно в критических ситуациях; выступают индикатором общественных настроений и диспозиций в условиях отсутствия или недостаточного развития демократических институтов (*Russko-niemieckij autorskij...*, 2009).

Для историка исследование слухов и сплетен тяжело потому, что ему приходится сталкиваться не столько, собственно, со слухами и сплетнями, сколько с их отголосками и отражениями. Фактически, изучаются не слухи и сплетни, как таковые, а их следы и манифестации в человеческой памяти, в текстах, визуальных образах, телесных и коммуникативных практиках, в документах и материальных объектах.

Разберемся поочередно, что же такое «слух», а что же такое «сплетня». Определений, что такое «слух», существует множество, вот лишь несколько из них. По Капфереру, например, слух – это «процесс возникновения и циркуляции в обществе информации, либо еще публично не подтвержденной официальным источником, либо уже опровергнутой им» (Kapferer, 2007). В психологическом словаре дается следующее определение: «Слух – это специфический вид неформальной межличностной коммуникации, в процессе которой сюжет, до известной степени отражающий некоторые реальные или вымышленные события, становится достоянием обширной диффузной аудитории» (Mieszczeriakow, 2002). Но в целом, слух – это сообщение о важном для аудитории событии, которое устно передается от одного человека другому, и достоверность которого на момент распространения не установлена. *Сплетня* – одна из разновидностей «слуха». «Сплетня» уже – слух о ком-либо или о чём-либо, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях. Как правило, внешне сплетни всеми осуждаются, как проявление поверхностных интересов, погони за сенсациями, проявления интриганских методов и так далее. Тем не менее, сплетни всегда сохраняют свою живучесть и определённое место в общественных отношениях, что обусловлено, прежде всего, многообразием социальных и психологических функций сплетен. При этом, отличие сплетен от слухов в том, что слухи обычно касаются всех – в этом залог их массовости и массивной их циркуляции. Тогда как сплетни касаются немногих, однако, это именно те немногие, которые интересуют всех.

Поскольку «слухи» и «сплетни» бывают разными, то существует множество оснований, по которым их можно классифицировать. Так же многообразна и классификация истории межвоенной белорусской пражской эмиграции. Жизнь и деятельность пражских белорусов можно условно разделить на три периода: 1921–1925 гг.; 1925–1933 гг.; 1934–1939 гг.

1921–1925 годы характеризовались медленной, но постепенной стабилизацией всех сфер эмиграционной жизни, приобретением белорусской эмиграционной общиной черт своеобразного социума с более-менее чёткой внутренней организацией, активной общественной, культурной жизнью в первую очередь и политической – затем. Что объяснялось, во-первых, взвешенной позицией чехословацкой демократии, а во-вторых, собственно, лидерством интеллигенции, активной в национально-освободительных противостояниях 1917–1923 гг.

1925–1933 годы были периодом «смены вех» и «экономической депрессии». В 1925–1929 годы эмиграционная «концепция скорого возвращения», привя-

занная к сворачиванию «Русской вспомогательной акции», потерпела фиаско в борьбе с достижениями «новой экономической политики» в СССР. А в БССР она (концепция) натолкнулась, к тому же, на активное внедрение в общественно-культурную жизнь республики процессов белоруссизации. Тогда как в 1929–1933 годах эмиграционная «концепция быстрого возвращения», ослабленная мировым экономическим кризисом, проиграла битву советским индустриализации и коллективизации. Можно предположить, что точкой физического и психологического слома рядового большинства белорусской пражской эмиграции, пребывающего в поиске куска хлеба, стал именно 1933 год – год полнейшей ликвидации безработицы в СССР.

Поэтому, 1934–1939 годы были годами изменений национальной тактики и стратегии, с учётом как чехословацких с советскими, так и мировых политических реалий. Собственно, в самой ЧСР с 1934 г. развернулась острая внешнеполитическая борьба, в которой тон уже задавали чехословацкие национал-социалисты и коммунисты. Результатом этого стало установление в 1934 г. между ЧСР и СССР официальных дипломатических отношений. А в 1935 г. ЧСР и СССР заключили Договор о взаимной помощи, когда в самой Европе на исторической арене все сильнее о себе заявляли, помимо коммунизма, фашизм и национал-социализм.

Как уже было сказано, слухи бывают разными, и, соответственно, существует множество оснований, по которым их можно классифицировать. Так, слухи различают по их содержанию (политические, экономические, экологические); временной ориентации (касающиеся прошлого, предсказывающие); типу происхождения (спонтанные, преднамеренные) и по отношению к реальности (рациональные, фантастические). Чаще всего для распределения слухов используют два классификационных параметра – экспрессивный и информационный. По экспрессивному параметру различают три типа: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух. Тогда как по информационному: абсолютно недостоверные, просто недостоверные, достоверные и близкие к действительности слухи.

Слухи-желания – это слухи, содержащие достаточно сильное эмоциональное желание, отражающее некоторые актуальные потребности и ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. Ярким примером слуха такого рода является слух о возможном единстве православной и греко-католической церквей в эмиграционной (украино-белорусской) среде. Слух этот был живуч на протяжении последнего квартала 1926 года. Именно в сентябре 1926 года в Украинскую Сельскохозяйственную Академию в Подебрадах прибыл с официальным визитом митрополит Андрей Шептицкий. Митрополит уделил внимание не только руководству Академии, но и пожелал побывать в различных студенческих лабораториях и кабинетах. Он скрупулёзно, а временами и дотошно, расспрашивал студентов о их жизни и учёбе. И даже подарил вузу «дорогой аппарат», так называемое «Горное солнце», (мелирационный аппарат – О.З.) – «вещь просто необходимую», по словам свидетеля события украинского студента Михаила

Еремиева (Jeremijiw, 1999, s. 212–213). (С учётом того, что однокурсником Еремиева был белорус Антон Белинский из Мозыря, склоняемся к мнению, что и Белинский был свидетелем приобретения вузом «Горного солнца» – О.З.). Но вернёмся, собственно, к слуху. Во второй день визита в Подебрады митрополит Шептицкий отслужил утреннюю службу:

Присутствующие православные, которые никогда не были в униатской церкви, смотрели друг на друга и шептали, что «это, совсем, как у нас». Недоумение их и вовсе усилилось после проповеди. Вот потому, очень возможно, что этот день был одним из самых счастливых дней митрополита Андрея. Патриот и горячий сторонник объединения церквей на основании равноправия, он скорее всего представлял себе это утреннее служение Богу первым шагом на тяжелом пути этого объединения. Единственным диссонансом всему было только выступление украинской артистки Иваницкой, которая пропела на итальянском «Аве, Мария». При первых нотах, митрополит, чтивший чистоту восточного обряда, с удивлением посмотрел на хоры, а потом склонив голову, стоял недвижимо до окончания пения. Этим, он, как бы, показывал непонимание происходящего... (Перевод с украинского – авторский. – О.З.) (Jeremijiw, 1999, s. 212–213).

Интересен вот какой факт. Украинские православные были чётко разделены на непересекающихся ортодоксов, греко-католиков и автокефалистов. У пражских же белорусских «народников» разделение было несколько иным. Часть их была ортодоксами Русской Православной церкви. Например, православная верующая Лариса Гениуш имела своего духовника в Праге – архимандрита Исаака (Виноградова), бывшего белогвардейца, к которому приходила на исповедь в Свято-Николаевский собор. Вторая часть «народников» принадлежала одновременно к канонической юрисдикции Сербской Православной церкви и канонической юрисдикции Константинопольского Патриархата. В учётных (персональных) карточках белорусских студентов Украинской Сельскохозяйственной академии в Подебрадах Сергея Бусла и Язепа Мамонько в графе 3 «Религия» так и указывалось: «Православные». А вот третья часть «пражских народников» была действительно греко-католической (Zubko, 2016). Анализируя ситуацию, в которой оказалась БНР и её сторонники, митрополит Шептицкий в январе 1923 г. временно подчинил греко-католиков Восточной Беларуси экзарху Российской католической церкви византийского обряда Леониду Фёдорову. Глава УГКЦ был вынужден пойти на этот шаг по той причине, что в Подебрадах в 1923 г. был создан приход Украинской Автокефальной Православной Церкви (глава прихода – украинский священник Григорий Мельник). Говорить в то время о Белорусской Автокефальной Православной Церкви не приходилось, так как БАПЦ эмигрировала из Беларуси только в 1944 г. Фактически, митрополиту удалось уравновесить ситуацию с церковными приходами украинцев и белорусов в местах их эмиграционного скопления.

Но вновь, вернёмся к слуху. Почему он бытовал на протяжении последнего квартала 1926 года? После «утренней» состоялось общее фотографирование митрополита Андрея Шептицкого с профессурой УСА и со студентами. Касаясь последних, было согласовано, что фотографироваться с митрополитом будут исключительно те студенты, которые реально «на финише» обучения. Ведь не секрет, что высшее образование смогли получить не все пражские украинцы и белорусы. Симон Нарижный – летописец всей жизни и деятельности межвоенной украинской пражской эмиграции – среди «финиширующих» белорусов УСА отмечает инженеров-экономистов: Николая Абрамчика (8.08.1903 г.р., Сичевичи, получил диплом в 1929 г.), Петра Антоновича (29.07.1901 г.р., Яцковичи, Брестчина, получил диплом в 1932 г.), Григория Ефременко (21.12.1898 г.р., Старые Жировичи, получил диплом в 1929 г.), Павла Ходаркевича (6.03.1896 г.р., Турец, Минщина, получил диплом в 1929 г.) (Narižnyj, 1942, s. 170–172). Верующими какой, собственно, церкви считали себя указанные белорусские инженеры, автор не знает, но именно это выборочное студенческое фотографирование поддерживало, питало и распространяло указанный слух.

Слухи-пугала – это слухи, несущие и вызывающие выраженные эмоционально негативные, пугающие настроения и состояния, отражающие некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. В среде пражских белорусов таким слухом были возможные политические репрессии по отношению к «возвращенцам» или же оставшимся в Советском Союзе родственникам. Слух был настолько устойчив и живуч, что по этой причине эмиграция старалась не слишком афишировать свое пребывание «за кордоном». По этой же причине она (эмиграция) была осторожна в своих воспоминаниях, документации и архивах.

Михась Каберац – друг Владимира Жилко и Людмилы Красковской так писал по этому поводу в письмах к последней:

Надаўна закончыў я перегляд часопісі «Савецкая Беларусь», за час ад 1.01.1929, да канца кастрычніка г.г. (Гэтую часопісь переслаў мне сюды ўсвой час Шыман[ка]). Гэта дало мне магчымасць больш менш дакладна пазнаёміцца з агульным палажэннем у Сав. Беларусі. Уражаньняў шмат, што і казаць! Ёсць там шмат чаго цікавага, пазытыўнага, але і негатыўных зьвявічаў таксама хоць адбаўляй! Адны гэты «чысткі» і «самакрытыкі» чаго варты! Ці не лепш-бы было ўсё гэта назваць проста прасьледаваньнем сумленых людзей, большасць якіх хоча добра Сав. Беларусі. З дому я дастаў нядаўна ліста. «Вялікія рэформы» захапілі і нашы вёскі. Швагер піша, што іх вёска ўжо ператварылася ў «калгас» – кольлектыўную гаспадарку. Наша вёска, у якой жывуць мае бацькі, дасюль яшчэ не землеўпарадкавана, але здаецца, што гэтую вясною прыйдзе чарга і на яе... (Trus, 2013, s. 198).

Рациональное зерно в «эмигрантской боязни» репрессий, конечно же, было. Для обеспечения стабильности своего культа, Сталин поддерживал в обществе

атмосферу страха. С этой целью организовывались судебные процессы над интеллигенцией, мифическими «вредителями», «шпионами» и «врагами народа». Устроители судебных спектаклей преследовали и более масштабную цель: стусить в стране атмосферу недоверия и подозрительности. Ведь в таком случае, народ становился более управляем. Так, И. В. Сталин в 1928 г. на пленуме ЦК ВКП (б) заявил, что «по мере нашего продвижения вперёд, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться». Максим Горький в 1930 г. дополнил этот тезис фразой: «Если враг не сдаётся – его уничтожают».

Агрессивные слухи – слухи, не просто вызывающие выраженные эмоционально негативные настроения и состояния, а и отражающие некоторые актуальные нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются, конкретно направленные на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и вполне определенного поведенческого «ответа», жесткого агрессивного действия. Примером такого слуха, является информация Ивана Луцкевича. В своём письме Людмиле Красковской по поводу ареста её отца Луцкевич писал:

У справе Ів. Ігн. і др. маю я ведамасьці ад вельмі пэўнага чалавека. Іх усіх «пасадзіў» Ластоўскі, які, прыехаўшы ў Менск, заявіў – на подставе інспірацыі ведамага Зузэміля, – што хутка мае быць ваенная інтэрвенцыя ў СССР, і дзеля гэтага нацыянальна сьведомыя беларусы мусяць стварыць свой тайны центр, які будзе прызнаны «белымі» за ўладу «вызволенае» Беларусі. На гэту вудачку і пайшоў цэлы рад людзей. «Амбасадарам» групы быў Езавітаў, «камунізуючы» і жанаты з партыйнай камуністкай. Ну, і вынік, акцыі: усё сталася вядомым ГПУ.... (Trus, 2013, s. 209).

Как известно, личность Вацлава Ластовского неоднозначно воспринималась его же коллегами по национально-освободительной борьбе. А когда в 1927 году Ластовский и вовсе вернулся в БССР, его постигла участь главы Украинской Центральной Рады Михаила Грушевского.

Если же говорить о сплетнях, то в эмиграционной среде Праги сплетни, как правило, затрагивали тех личностей (всегда выдающихся или и вовсе примечательных), кто просто имел «пунктик», хобби или сознательно скрывал о себе информацию. В среде пражских белорусов, опутанной сплетнями, личностью был учёный Дмитрий Чижевский.

В Украинском высшем педагогическом институте им. М. Драгоманова в Праге в 1923–1932 годах Чижевский возглавлял кафедру философии. Украинским и белорусским студентам он запомнился, в первую очередь, не как философ, а как этнолог и фольклорист. Каждая его лекция, каждое его практическое занятие обязательно включали в себя «чертовщину». Дмитрий Иванович считал, что нечистая сила – это реально черти: маленькие, злые, нахальные и зелёные. А так как черти зелёного цвета, профессор требовал от студенток и студентов не оде-

вать платья, пиджаки, кофты, свитера, брюки и юбки, шарфы зелёной палитры. Нарушавших запрет, Дмитрий Иванович выгонял из аудитории.

Мистиком считали Чижевского и коллеги. Тамашу Грыбу – атеисту и заведующему первой кафедрой белорусистики за рубежом на базе УВПИ им. М. Драгоманова в Праге в 1924–1929 годах был памятен такой эпизод. Однажды, Чижевского по невнимательности закрыли в институтской библиотеке. Ему пришлось воспользоваться телефоном, чтобы избавиться «от плена». Когда же его «открыли», он с огромным удовольствием серьёзно, (чем сбивал с толку всех!) рассказывал, что в библиотеке были маленькие черти, которые специально переставляли книги на полках, чтобы их потом было невозможно найти (Szarkowska, 2016). Поэтому и белорусские студенты, и даже, как видим, белорусские преподаватели, могли чего-то не знать или забыть из философской тематики, но некоторых представителей пантеона украинской нечисти они помнили всю свою жизнь.

По информационному параметру, как помним, слухи подразделяются на: абсолютно недостоверные, просто недостоверные, достоверные и близкие к действительности. Так, примером абсолютно недостоверного слуха среди пражских белорусов являлся слух о комете Галлея, стремительно приближающейся к Земле. Комета Галлея ещё с древнейших времён предвещала войны, стихийные бедствия, гибель урожая и эпидемии и поэтому угрожала ни много ни мало – настоящим концом света.

Примером просто недостоверного слуха среди белорусских «народников» являлся слух о эдакой пещере «Али Бабы» и её несметных богатствах в замке Карлштейн. Слух этот поддерживал лично сам кладоискатель, преподаватель УВПИ им. М. Драгоманова в Праге Григорий Омельченко. Успехи Омельченко в кладоискательстве, как и сама личность преподавателя, обрастали не раз различными домыслами и сплетнями. «Не иначе, как фарт или нечистая сила помогают ему!» Когда как, собственно, биография у Спандара Омельченко была что ни на есть прозаическая. Кубанец, член Украинской радикально-демократической партии, преподавательский хлеб начал зарабатывать с 1915 г., когда возглавил две средние школы в станице Полтавской по приказу попечителя Кавказского учебного округа. С 1917 г. – член Кубанского законодательного совета и Кубанской Конститутанты. Ярый противник А. Деникина. После ареста деникинцами, был отпущен на поруки и отправлен за границу. В 1922 г. приехал в Прагу «с польских территорий» и стал студентом Украинского свободного университета; а с 1925 г. и до самых последних дней существования УВПИ проработал вузовским преподавателем. Помимо преподавания истории славянских народов белорусским и украинским студентам, Григорий Омельченко в Драгомановском педагогическом возглавлял ещё и Экскурсионное Бюро в 1927–1933 годах (CGAVOVU, 3972, 1, 274, 2–5).

В ЧСР, собственно, Григория Омельченко больше всего интересовал замок Карлштейн – отреставрированная на то время бывшая резиденция короля Кар-

ла IV в 35–ти километрах от Праги. Карлштейн был примечателен сам по себе двумя историческими моментами: «газовой атакой» гуситов, в ходе которой, собственно, замок едва не был сдан в 1427 г., и наличием колодца – старинного памятника XIII века, глубиной 80 метров. Омельченко был почему-то твёрдо уверен в том, что колодец – врата в эдакую «пещеру Али Бабы», поскольку из замка в 1436 г. император Сигизмунд, второй сын Карла IV, не успел вывезти внушительную часть сокровищ. Любимый Омельченко непривычный старинный механизм выемки воды в колодце, как вход в предполагаемую пещеру, не раз заставлял вздрагивать и креститься экскурсантов. Поэтому, в чешских «господах» (пабах), в душевных посиделках за бокалом «Starogramena» – ещё одной формой, помимо экскурсий, психологической эмиграционной терапии – белорусы и украинцы даже устраивали тотализатор между собой, пытаясь угадать, осчастливит ли наконец удача кладоискателя-чудака, собственно, в Карлштейне (CGAVOVU, 3972, 1, 240, 14).

К достоверным слухам можно причислить слух о свойствах легендарного крема Нивеа. Знакомая всем нам сине-белая баночка с фольгой появилась в женском коллективе Драгомановского педагогического в 1924 году, благодаря известной представительнице «пражской украинской поэтической школы» Елене Телиге (Teliha, 1999). Именно она призывала покупать крем Нивеа и заинтересовала им всех без исключения украинок и белорусок-увписток. Появление долгохранящегося крема в то время было действительно сравнимо с эффектом разорвавшейся бомбы по двум причинам. Во-первых, крем Нивеа выступал женским аналогом «Starogramena», а во-вторых – индикатором женской интернациональной эмиграционной сплочённости:

Представительницы прекрасного пола редко спорят по поводу государственных границ и не имеют склонности сбиваться в бандитские группировки, но публичное обсуждение вопросов какой фигой мазать кожу, а какой сажей ресницы, способно собрать две полноценные команды... (Buzina, 2009).

Ну а достоверность слуха в его, собственно, чудодейственных свойствах: увлажняющих, отбеливающих и длительного действия. До 1915 года, а крем Нивеа появился еще в 1911 году, женская косметика не могла храниться длительно. И только изобретение Оскара Тропловица, Пауля Унны и Исаака Лифшица – эвцерита – водно-масляного эмульгатора – позволило решить проблему сроков хранения. В 1920-х – Нивеа была настоящим «кремом Азazelло».

И наконец, близким к действительности слухом был слух о предстоящей мировой войне. Проигравшая в Первой мировой войне Германия, явно собиралась взять реванш. И те из белорусских эмигрантов, кто просчитал ситуацию верно, прекрасно это понимали.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что полезность слухов, мифов и сплетен проявляется, как минимум, в нескольких аспектах: во-первых, они –

возможность релаксации человека, периодически устающего от подчас жестких норм официального общения. Во-вторых, слухи, сплетни и мифы – «демонстративная канализация» протеста, неизбежно накапливающегося у людей в слишком жестко организованном обществе, коим выступала эмигрантская община. В-третьих, осознанные и неформальные средства коммуникации создавали условия для реструктурирования эмоциональной эмигрантской сферы, то есть избавляли от одних эмоций и способствовали приобретению других.

Bibliografia

Źródła

Centralnyj gosudarstwienyj archiw wysszych organow wlasti i uprawlenija Ukrainy w g. Kijewie (dalej – CGAVOVU Ukrainy), 3972, 1, 274. 2–5, 14.

Opracowania

- Buzina, Oleś. (2009). *Wiernitje ženszczinam gariemy*. Pobrano z: <https://www.litmir.me/br/?b=204841&p=3> (dostęp 29.05.2017).
- Gorbatow, Dmitrij. (2012). *Psichologija sluchow i spletien*. Sankt Pietierburg: Riecz.
- Gorbatow, Dmitrij. (2009). Spletniczaniej kak socyalno-psichologiczeskij fienomien. *Psichologiczeskij žurnal*, 30, s. 64–72.
- Hryb, Tamasz. (2017). *Wybranaje*. Minsk: Knihazbor.
- Jeremijiw, Mychajło. (1999). Z podebradských zarysiow. Widwidyny mytropolytom Andrejem Szeptyčkym Akademii. „Chronika-2000”. *Ukrajnśkij kulturolohicznyj almanach*, s. 29–30, s. 211–213.
- Kapferer, Žan-Noel. (2007). *Briend nawsiegda: Sozdanije, razwittije, poddierzka cennosti Brienda*. Moskwa: Wierszyna.
- Korszuk, Władimir. (2006). Biełaruskaja sacyjalistycznaja hramada i problemy nacyjanalnej dziażcaunasci Biełarusi. *Pracy histarycznaha fakulteta BDU: nawuk*, 1, s. 32–39.
- Kraluk, Petro. (2017). *Marewo Rewoluciji*. Ternopil: Nawczalna knyha – Bohdan. Serija „Magistra vitae”.
- Łosiew, Aleksiej (2009). *Znak. Simwol. Mif*. Moskwa: Akadiemija RIF.
- Łysiak-Rudnickij, Iwan. (2007). *Mieždu istorijej a politikoj*. Moskwa- Sankt Pietierburg: Letnij sad „Biblioteka ukrajskoj mysli”.
- Maziepa, Issak. (2003). „*Ukraina w ognie i burie riwolucyi*”. 1917–1920. Kijew: Tiempora.
- Mieszczeriakow, Boris, Zinczenko, Władimir. (2002). *Bolszoj psichologiczeskij słowar’*. Moskwa: Spiekr.
- Narižnyj, Symon. (1942). *Ukrajnśka emihracija. Kulturnaja pracia ukrajnśkoji emihraciji miž dwoma switowymy wijnamy*. Cz. 1. Praha.
- Russko-niemieckij awtorskij projekt. Słuchi w Rossii. Pobrano z: <http://histsemee.ru/articles/44-sluhi-v-rossii-hh-v.html> (dostęp 13.03.2016).

- Szarkowska, Ołena. (2014). „*Dmytro Czyżewskij wważaw ukrajinsku literaturu ważywiszoju zahadkoju dla tych, chto z nym zustriczawsia*” – 120 rokiw wid narodżennia wydatnoho ukrajincia. Pobrano z: http://gazeta.ua/articles/history_cizhevskij-zavzhdi-zalishavsya-zagadkoyu-dlya-tih-hto-z-nim... (dostęp 27.05.2017).
- Taras, Anatolij. (2013). *Kratkij kurs istorii Bielarusi IX–XXI wiekow*. Pobrano z: http://www.e-reading.club/chapter.php/1039116/302/Taras_-_Kratkiy_kurs_istorii_Belarusi_IX-XXI_vekov.html (dostęp 27.05.2017).
- Teliha, Ołena. (1999). „*O kraju mij...*”: *Twory, dokumenty, biohraficznyj narys*. Upor. prof. N. Myroneć. Kyjiv: Wydawnictwo im. Ołeny Telihi.
- Trus, Miłoła. (2013). *Z archiwow Ludmiły Kraskowskaj. Belarusian Institute of Arts and Sciences*. New York–Miensk.
- Zubko, Olga. (w druku). *Emigracyja – granica mirowozzrienij. „Kartina mira” praskich bielorusow (1921–1939). Matieriały Mieždunarodnoj naucznoj konfieriencyi „Tradycyi duchownoj i matierialnoj kultury pogranczja”, Briest, 14–15 nojabria 2016 r.*

Summary

Rumors, gossips and myths – information technology influencing mass consciousness. A significant difference is only in the fact that rumor and gossip are informal public information processes, whereas the myth is a conscious tool and object manipulation. In the historical specific context, rumors and gossips are specific cultural and communicative practices which are used both by individuals and groups, society and the state, and which contains both negative and positive aspects.

Key words: myths, rumors, gossip, communication, Belarusian emigration in Prague, Czechoslovakia

Streszczenie

Pogłoski, plotki i mity – informacyjne technologie działania na świadomość masową. Istotna różnica polega na tym, że pogłoska i plotka to nieformalne sposoby komunikowania masowego, podczas gdy mit stanowi środek wykorzystywany świadomie, często poddawany manipulacji. Z historycznego punktu widzenia pogłoski i plotki są specyficzną kulturalną i komunikatywną praktyką, wykorzystywaną zarówno w porozumiewaniu się indywidualnym, jak i grupowym (społeczeństwo i państwo), która ma negatywne i pozytywne aspekty.

Słowa kluczowe: mity, pogłoski, plotki, komunikacja, białoruskie praskie wychodźstwo

Рэзюме

Чуткі, плёткі і міфы – інфармацыйныя тэхналогіі ўздзеяння на масавую свядомасць. Істотная розніца толькі ў тым, што слых і плётка – нефармальныя масавыя інфармацыйныя працэсы, тады як міф – свядомы сродак і аб’ект маніпулявання. У гістарычным спецыфічным кантэксце чуткі і плёткі з’яўляюцца асаблівай культурнай і камунікатыўнай практыкай, якая выкарыстоўваецца як індывідуамі і групамі, так і грамадствам і дзяржавай, нясуць яны як негатыўнаю, так і станоўчую інфармацыю.

Ключавыя словы: міфы, чуткі, плёткі, камунікацыя, беларуская пражская эміграцыя, Чэхаславакія